

ПОРТРЕТЫ

*К 85-летию со дня рождения выдающегося философа – марксиста
Эвальда Васильевича Ильенкова*

ОДНОЙ ЛИШЬ ДУМЫ ВЛАСТЬ

Лев Науменко

*Науменко Лев Константинович –
д.ф.н., профессор, эксперт Фонда
«Альтернативы»*

Есть книги – друзья, есть книги – враги, есть книги-молитвенники. А есть книги, ставшие членами твоей семьи, книги-пенаты. Одна из таких – «Дмитрий Дон-

ской» Юрия Лощица. Мне она особенно дорога рассказом о том, как Великий князь Московский Семен Иванович, прозванный Гордым, в последнее мгновение своей гаснущей жизни коснеющими губами выдохнул заветное: «...и свеча бы не угасла».

Сегодня – эта свеча гуманистической философии творческой марксистской мысли. Без ее света невозможно противостоять умонастроению вырождения, распада, падения, отката, философии пресыщенного брюха. Этим прежде всего определяется интерес к творчеству и личность Э.В. Ильенкова.

Что же он сделал, кто он и откуда?

Творчество Ильенкова – альтернатива того, что можно было бы назвать *вульгарным марксизмом*. В годы безраздельного господства примитивной, ползучей, ханжеской, спесивой и одновременно угодливой мысли он возродил и развил философию живого, творческого марксизма, показав стволу корень его проблем и идей, уходящий вглубь не только философии, но и всей культуры человечества. Сделанное им невозможно понять и оценить в контексте эволюции официальной советской философии – «диамата-истмата». Этот контекст существенен не для понимания того, кем он был, а для понимания того, кем он не был. Творчество Ильенкова – прямое продолжение традиций высокой европейской классики – рационалистической линии Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля, Маркса. Его идеи органично формируются в стихии этой традиции, вырастают как ее естественное продолжение и освещены изнутри светом этой классики. В его работах мы не увидим ни одного отступления, ни одного шага в сторону от логики ее развития. Здесь объяснение не только теоретической привлекательности, но и нравственно-эстетического обаяния его мысли.

Э.В. Ильенкову принадлежат по праву *три выдающихся достижения*: во-первых, отправляясь от «Капитала» Маркса, он создал новую научную дисциплину – диалектическую логику и осветил новым светом фундаментальные проблемы логики и методологии научно-теоретического познания вообще; во-вторых, он построил концеп-

цию идеального, сделавшую прозрачными многие проблемы человека и мира человека, бывшие до той поры очень темными; в-третьих, он дал тем самым метод решения проблем, над которыми сам не работал, а в некоторых случаях даже и не размышлял о них, а ведь превращение теории в метод – предельная для нее высота.

Эвальд Васильевич Ильенков родился в том самом двадцать четвертом, который в сорок пятом добыл Победу. В настоящем году исполнилось 85 лет с его рождения. Один из немногих добывавших, он увидел эту Победу в Берлине. Родился в Смоленске, в русской семье, корнями уходившей в Брянщину. Мать, Елизавета Ильинична, сельская учительница. Отец, Василий Павлович, - известный советский писатель. Оба деда – сельские священники и оба «расстриги» (вероятнее всего за «неполиткорректные» речи). Эвальдом отец назвал сына в память о своем друге революционере, латышском стрелке. Поступил в ИФЛИ (Институт истории, философии и литературы). И сразу – война. С войны лейтенант-артиллерист, командир взвода разведки вернулся с орденами Красной Звезды, Отечественной войны (первый любил больше и надевал чаще), с медалями и туберкулезом (случалось подолгу «купаться» в ледяной воде). Поступил в МГУ на философский факультет, затем в аспирантуру по кафедре Истории зарубежной философии. Защитил кандидатскую диссертацию о логике «Капитала» Маркса, наделавшую не только на факультете много шума, много лет спустя – докторскую. Но это уже мелочи (карьера, пусть даже только научная, его не интересовала).

А если о его идеях, то вот главные.

Нераздельные части ума.

Об Эвальде Ильенкове можно сказать, что он знал одной лишь думы власть. Это дума о том, *что есть мысль*, что делает человека разумным, «мыслящей пылинкой», «причастной» бесконечности Вселенной. Что представляет собой эта причастность и как она возможна? Как возможно для нее «внять» «и неба содроганье,...и дольней лозы прозябанье»? В этих строчках весь Пушкин и весь Ильенков. В сущности говоря, в них и вся настоящая, подлинная, хорошая, а не кривляющаяся философия. Вся его философия Ильенкова – это мышление о мышлении.

В своей первой книге («Детство, отрочество, юность») Л.Н. Толстой писал: «Мне кажется, что ум человеческий в каждом отдельном лице проходит в своем развитии по тому же пути, по которому он развивался и в целых поколениях, что мысли, служившие основанием различных философских теорий, составляют нераздельные части ума; но что каждый человек более или менее ясно сознавал их прежде, чем знал о существовании философских теорий.

Мысли эти представлялись моему уму с такой ясностью и поразительностью, что я даже старался применить их к жизни, воображая, что я *первый* открываю такие

великие и полезные истины».¹

«Нераздельные части ума»... Вот об этом, об уме и его нераздельных частях – все творчество Э.В. Ильенкова. «Ум» для него – это не только «интеллект», т.е. юркий холощенный рассудок, упражняющийся в оценках и «дискурсах», как шеннова мышшь в лабиринте. «Ум» для него – это то, что делает человека разумным в нераздельности его чувственности, интеллекта, воли, эмоций. Именно поэтому так широк был диапазон его творческих интересов: от логики и истории философии до эстетики, психологии, педагогики. И в каждую из этих областей он внес значительный, во многом еще не оцененный вклад – будь то теоретическое обоснование уникального эксперимента по формированию психики слепоглухонемых детей, педагогика развивающего обучения, исследование природы творческого воображения и т.д. Все это разнообразие интересов связывается в живое единство формулой нераздельности истины, добра и красоты, которые составляют три ипостаси «человека разумного», три лика высшей творческой способности человека – мышления (слово, которое он, как и слово «логика», нередко предпочитал писать с большой буквы).

А вообразить, что «я первый открываю великие истины» – это как раз ведущая идея ильенковской педагогики. Поставь себя перед той же проблемой, перед какой стоял и Архимед, и реши ее сам, открой именно сам и именно словно впервые. Тебе тысячекратно легче – поможет и умный учитель, и умный учебник. Учительство и ученичество – это единое, «совместно-разделенное действие»: учитель учит, ученик учится, учит себя сам (хороший учитель тоже). Есть вопросы, явятся и ответы, но добытые собственным умом и трудом. И не спеши заглядывать в «решебник». И учится ученик не физике и математике, не истории и географии. – Он учится мыслить, т.е. выращивает ту самую способность, которая родила и физику и математику. «Школа должна учить мыслить» - так и озаглавлена серия работ-выступлений Ильенкова в разные годы по этой проблеме.

Э. Ильенков любил повторять: открой в самом себе Пушкина, Рафаэля, Достоевского. Фантастика? – Нисколько. Различие лишь в степени развития той же способности. Пушкиным вероятнее всего не станешь, но и болваном уже не останешься. Предмет художника не холст и краски, слова и звуки, и формирует он не только образ Богоматери или просто Матери всех времен и народов. Его «предмет» - мы сами. Он воспитывает наш глаз, способный *видеть*, а не просто глазеть, наше ухо, способное по человечески слышать, наш разум, наши эмоции – формирует в нас Человека. «Умные вещи», сделанные человеком и для человека – это не просто вещи. Это наши «родовые» способности, опредмеченные, овеществленные в вещах и ставшие тем самым общедоступными и общезначимыми «учебниками» - «чувственно развернутая» перед нами человеческая психология, как писал Маркс.

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч. В 22 тт., т. 1, М., 1978, с. 166.

И еще о *еще более важном*, что нашел в самом себе мальчик Толстой. Дело даже не в том, что индивидуальное развитие ума и чувства повторяет нежданно-негаданно основные этапы творческой истории Ума человечества, что онтогенез – это сокращенный и свернутый филогенез. Что из этого? – скажут нам. Занятная аналогия давно известного биогенетического закона? Нет. Не только в этом дело. Дело не в том, *как* это происходит в природной и духовной истории, а в том, *что* происходит. И в живой природе, и в истории культуры, и в индивидуальном развитии. Тут не просто «эволюция» и новое не просто другое. Каждый новый шаг – это ступенька в *восхождении*, это всегда *победа* жизни и поражение смерти, тлена, распада, разрушения, хаоса. Хрупкий зеленый росток пробивает асфальт, расщепляет камень. Камчатский лосось, преодолевая тысячи километров и тысячи препятствий, возвращается к истокам родной реки, чтобы отметать икру и погибнуть, снабдив будущую молодь протеинами своего тела – «смертию смерть поправ». «Огонь живет воды смертью», «душа живет смертью огня». «Жить смертью» - вот главная формула прадедушки диалектики, Гераклита, еще в древности окрещенного античными дураками «Темным». А у Державина о Боге: «Конец с началом сопрягаешь и смертию живот даришь».

Именно восхождение. Жизнь ежеминутно спорит с абсолютным, сверхавторитетным вторым законом термодинамики, пророчащим победу энтропии – тепловую смерть Вселенной: все виды энергии превратятся в тепло, все разности температурных потенциалов уравниются (теплота перейдет от более нагретого тела к менее нагретому), уравниваются, энтропия отпразднует победу. «Все в землю ляжем, все прахом будет». А жизнь, крохотная щепка, все еще лезет в гору, *вопреки* вселенскому потоку, уносящему каждый миг «частицу бытия». Лежать легче, чем сидеть, сидеть легче, чем стоять, стоять легче, чем лететь, «как пух от уст Эола», *вопреки* закону всемирного тяготения. Быть человеком трудно, очень трудно, особенно в условиях всеобщего оскотинивания. Ведь «быть» - это всегда *вопреки* – распаду, тлению, забвению.

И еще немного о собственном, личном, о *моем*, но и о «нашем». С волнением и недоумением смотрю на то, как моя крохотная внучка, Настенька, рискуя и страшась, *вопреки* закону Ньютона упрямо встает на слабые ножки и делает первый шаг. Счастливая, сама от себя в восторге, оглядывается на деда: победила! Ну не чудо ли это? Какая сила заставляет девятимесячного младенца, бойко бегающего на четвереньках, вставать на дрожащие ножки и делать первый шаг? *Вопреки* и силе тяжести, и безопасности, и удобству. На четвереньках ведь и легче, и безопаснее, и эффективнее, и комфортнее. Какая сила поднимает его? И то же самое – превращение бушующей в облаках раскаленного газа древней Земли в голубую и зеленую планету, возникновение жизни на Земле и самого человека. Чудо? Чудеса сочиняет ум, когда его нераздельные части разъяты.

Чудо – это абсолютная невероятность. А абсолютная вероятность – это хаос, смерть, небытие. Все сущее размещено между этими двумя полюсами: между абсолютной возможностью и абсолютной невозможностью. То, что более вероятно, то просто и легко. То, что менее – трудно и сложно. Чем выше – тем невероятнее, чем невероятнее – тем труднее, чем труднее – тем ценнее. Вот мы и ценим не банальности, а маловероятности. Истина, добро и красота – что это такое? Разве точное слово Пушкина – это не попадание в десятку? Что вероятнее и легче – попасть или не попасть? За то и ценим Мастера. Что легче и вероятнее: глупость или ум, заблуждение или истина, безобразие или красота, зло или добро? «Где, когда, какой великий выбирал путь, чтобы протоптанной и легче?»

Вот поэтому-то и было сказано: «Даже преступная мысль злодея величественнее и возвышеннее всех чудес неба». Предмет размышлений Ильенкова – мысль как таковая, как явление человеческого бытия и бытия космического.

Я намеренно не цитирую и не пересказываю Ильенкова. Я тоже излагаю свое открытие Ильенкова, как и он свое открытие Платона, Спинозы, Гегеля, Маркса. А потому и додумываю и даже дописываю кое-что за него, ...«чтобы свеча не погасла». Но не выдумываю. То, что выше сказано мною, другими словами и с помощью других образов сказано Ильенковым в загадочном, на первый взгляд, тексте. Это «Космология духа. Дialeктико-материалистическая фантазмагория». Эта рукопись 50-60 х годов увидела свет только после его смерти.

Если уж человечеству так не терпится сжечь себя в бессмысленном вселенском термоядерном пожаре, то пусть этот акт самосожжения обретет «космический смысл». Умиравшая материя, породив на вершине своих творческих усилий человеческий разум, сожжет себя, чтобы восстать из пепла молодой, снова полной энергии. Космология говорит нам, что в начале бытия – гераклитов мировой пожар, взрыв, родивший «рас ширяющуюся Вселенную». Так пусть же конец вернется к началу, пусть змея укусит свой собственный хвост и положит начало новой спирали бытия. Пусть разум вернет долг и разогреет охлаждающую материю. Тогда смерть человеческой вселенной не будет бессмысленной гибелью запутавшегося в своих лилипутских «смыслах» «человека». В человеке материя оборачивается к самой себе, осознает себя, а осознав, решается смертью своего высшего достижения «смерть поправить».

Ильенков крайне редко обращался к естествознанию, бывшему цитаделью позитивизма. Отсюда зазнавшиеся «физики» стреляли в растерявшихся «лириков». Но зато с каким удовольствием он тыкал в задравшийся нос «физиков» слова Эйнштейна о том, что Моцарт и Достоевский дали ему больше, чем вся физика. Или о том, что в своем споре с Бором Эйнштейн хотел бы иметь арбитром «старика Спинозу». И это все о «нераздельных частях ума», *одного и того же* и в физике, и в музыке, и в математике, и в поэзии.

Аристотель, говоря о поэтике, упоминает особую способность – «узнавание». В одном я «узнаю» другое, в неизвестном – знакомое, в чужом – родное, в твоём – своём. В поэзии узнаю философию, в науке – музыку и т.д.. Это тоже свидетельство «нераздельности» ума. Даже в природе разум «узнает» своё, разумное. Это то, что «сквозит и тайно светит» в частном, самом малом, «в наготе смиренной» (Тютчев). «Узнаю тебя, жизнь, принимаю и приветствую звоном щита» (Блок). А как же иначе? Живое узнает живое. Вот это родство *строения* природы и духа, противоречивое тождество мышления и бытия и отстаивал Ильенков. Вот это и есть «все» в «одном», всеобщее в единичном, великое в малом, Вселенная в капле воды. Это как раз «то самое», что сквозит и тайно светит и в мысли философа (если он не фокусник, «эпатирующий» публику), и в мысли ученого (если он не Вагнер, а Фауст), и в мысли поэта (если он не модернист, или - не к ночи будь сказано – постмодернист). Так вот понятое «тождество мышления и бытия» Ильенков называл «паролем на вход в философию».

Я не нахожу ничего убедительнее того, что абсолютно наглядно, бесспорно достоверно показано Толстым в «Войне и мире». Кто же не помнит эту бессмертную сцену! - танец Наташи Ростовской в доме у дядюшки. Сцена великолепная, и не менее замечателен комментарий Толстого. Гений – это тот, кто «попадает в десятку». Чем же замечателен танец Наташи, удивляющий Николая Ростова и всех присутствующих, а Анисью Федоровну, крестьянку-экономку, довел до слез? Тем ли, что она искусно подражала танцующей крестьянке? – Да она впервые с этим столкнулась, она и говорить-то по-русски скорее всего начала, уже владея французской речью! Она не подражала «внешней реальности». Эта реальность пробудилась в ней самой, она сама *стала* этой реальностью. Именно в этом чудо.

«Она сделала, - пишет Толстой, - *то самое и так точно*, так *вполне точно* это сделала, что Анисья Федоровна, которая тотчас подала ей *необходимый для ее дела* платок, *сквозь смех* прослезилась, глядя на эту тоненькую, грациозную, такую чуждую ей, в шелку и бархате воспитанную графиню, которая *умела понять* все то, что было в Анисье, и в отце Анисьи, и в тетке, и в матери, и во всяком русском человеке» (курсив мой – Л.Н.).

Может ли здесь идти речь о подражании «внешней реальности»? Наташа и крестьянка-то «натуральных», «естественных» (не дворовых лакеев), «подлинных» увидела только тут, у дядюшки! Не у кого и некогда ей было учиться. Она сразу стала, сама стала «барышней-крестьянкой», «стала, - пишет Толстой, - улыбнулась торжественно, гордо и хитро-весело, первый страх, который охватил было Николая и всех присутствующих, страх, что она не то сделает, прошел, и они уже любовались ею». Страх, что она попробует и не сумеет подражать. Заметим, «сквозь смех прослезилась». «Сквозь смех», потому что она не стала крестьянкой, осталась графиней. А прослезилась потому, что, будучи графиней, она стала человеком, как все. Как точен Толстой! Если бы Анисья только смеялась, то было бы то же самое, что и с нами,

когда мы видим хорошего пародиста. Пустит слезу кто-нибудь из нас? Нет, то, что делает Наташа – не пародия. Потому и слезы именно *сквозь* смех. Вот что надо объяснить с позиции «теории отражения».

Если вдуматься в смысл слова «уникальное», мы найдем, что на самом доньшке его лежит не «редкое», непохожее на все другое, не просто «иное», а *маловероятное*, от него производны и редкость, и неповторимость, и уникальность. Что более вероятно? Наиболее вероятное положение маятника – это когда он в нижней точке. Наиболее вероятное для Пизанской башни – упасть. Глупость вероятнее, чем ум. Скотство вероятнее, чем человечность. Зло вероятнее, чем добро. Взять вероятнее, чем отдать. Все это – преодоление искушения падения в наиболее вероятное.

Можно эту мою собственную доморощенную «теорию невероятности» резюмировать так: все стоящее – это стоящее, т.е. вертикаль. Думается, что это общее правило не знает исключений. Вера, надежда, любовь, добро, красота и истина – это все «маловероятное», потому-то и ценное. Наиболее вероятное состояние Вселенной – равновесное, состояние тепловой смерти. Банально разрушение, деградация, смерть, хаос, распад, тление, превращение порядка в беспорядок. Не банально, достойно восхищения – противостояние порядка хаосу, рождение порядка из хаоса. Жизнь маловероятна в неорганической, управляемой вторым законом термодинамики Вселенной. Так она и оценивается количественно, как десять в минус сотой степени. Вопрос только в том, что за этим стоит – чистая случайность или еще не осознанная нами необходимость?

Наиболее вероятна покорность, подчинение, движение вниз, по течению, *падение*. Наименее – то, что «вопреки». В падении нет ничего ни удивительного, ни интересного, оно – банально. Но падать-то можно только с *высоты*. **Культура – это архитектура невероятного, инженерия вертикалей, утверждения и упрочения «высоких истин» противостояния вопреки соблазну «низких истин» падения.** Само по себе падение – не стоит не только слов, но и внимания. Это тоже жизнь, но в ее полониевом, а не гамлетовом понимании. Хочется падать – падай, твое дело. Но одно дело падать с высоты культуры, другое – рушить саму эту высоту, «то, что добыто жизнью раз».

Гете как-то пошутил: если художник хорошо нарисует мопса и второй мопс предстанет «как живой», то будет на одного мопса больше – только и всего. Думается, что не вполне прав был великий поэт. Художник, если он настоящий, подражает не мопсу, а *природе, сотворившей мопса*. И человеку – селекционеру, создавшему породу. Природа – искусница, сотворив мопса, сделала нечто невероятное, трудное, значительное. Она выстроила из хаоса атомов и молекул «вот это». Точно так же и художник из «мусора», из глины сложил «вот это». («Когда бы вы знали, из какого сора // растут стихи, не ведая стыда, // как желтый одуванчик у забора, // как лопухи и лебеда» - Анна Ахматова). Тем самым он делал и сделал именно то, что делала и сдела-

ла природа. – *Один порядок*, а не два разных! И это все можно прочесть в ильенковской «Космологии духа».

Кто мыслит конкретно?

Первая книга Ильенкова, вызвавшая сразу большой интерес и у нас в стране, и за рубежом – «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса».

В «Капитале»? Маркса? И кто-то сейчас смеет напомнить нам об этом ископаемом? Кто сей, вызвавший нас насмешить? – скажут, бегло просмотрев все эти странички, бывшие «марксисты», давно уже бегущие впереди планеты всей. И все же лучше смеяться попозже... Дело в том, что полтора года назад мне довелось здесь же, в «Альтернативах», сказать о том, о чем несколько раньше писал авторитетный в тех же «кругах» бывших марксистов западный философ Жак Деррида, совсем не марксист – о возвратившихся «призраках Маркса». Уж очень потешно получается: не прошло и полгода как зашатался сначала ипотечный рай, затем рухнул фондовый рынок, наконец затрещала вся финансовая система – кризис! И бросились искать этот самый ископаемый «Капитал». А один режиссер даже изготовил уже десятичасовой сериал (!) по «Капиталу» Маркса. Где они, освободившиеся от пут ископаемой доктрины?

Так как же надо мыслить, чтобы не попадать впросак? – Конкретно! Истина конкретна и история тоже. А «кто мыслит абстрактно?» - спрашивал Гегель в блестящем памфлете под этим названием. Ну, конечно, скажут нам, абстрактно мыслит человек образованный, ученый, философ. А человек необразованный, но крепкий житейским умом, мыслит конкретно. Так ли это?

Вот ведут преступника на казнь, продолжает Гегель. Вдоль улицы шпалерами – зеваки. И каждый судит о нем по своему. Дамы, перешептываясь между собой, заметая, какой он рослый, красивый мужчина. И держится как! Знаток – физиономист, вероятно, отметит его низкий лоб и выдающуюся вперед челюсть – настоящий душегуб, туда ему и дорога! Когда же топор уже отсечет преступную голову и она упадет на помост, а выглянувшее в этот момент из-за тучки солнце лучиком своим накроет лихую головушку, набожная старушка отпустит ему все грехи: «Смотрите, благостное солнце Господне осветило голову несчастного разбойника».

И еще: торговка яйцами на берлинском рынке так подытожит с головы до ног покупательницу, заметившую, что яйца-то тухлые: «Как, яйца мои тухлые?! Да ты сама тухлая! Ишь, вырядилась! Шляпку надела. А на чулке у тебя дырка! А разве мы не знаем, что твоя тетка якшалась с французами!» Вот, пишет Гегель, каждый со своей «точки» подведет итог, подытожит с головы до ног, приведет сложное, конкретное, где сращено (*concretus*, лат. – сращенный, сгущенный) и сплетено разнообразное, возможно, и трагическое, к чему-нибудь простенькому, очень отвлеченному, к тому, что бросается в глаза – к дырке на чулке. И эти люди судят конкретно? Для волка

заяц – просто бегающий обед. Для человека голодного ягненок – тоже, еще не зажаренный шашлык. А для сытого – «ах, какая прелесть!» Не так поступит «знаток людей», писал Гегель. А как он поступит?

Напомним историю со знаменитым в конце XIX– начале XX в. адвокатом. В суде присяжных слушается дело женщины, убившей своего ребенка. Адвокат берется ее защищать. Друзья и коллеги волнуются: браться за такое гиблое дело! Ставить под удар свою блестящую репутацию! – Взятся... и добился приговора *оправдательно*-го. Так как поступил «знаток людей»? А точно «по Гегелю». Он рассказал присяжным о жизни этой женщины. Вышла замуж не по любви. Муж – пропойца. Что ни день, то ругань и мордобой. Ни сна, ни отдыха, ни покоя. Денег нет. Работа без продыха: корыто, чужие подштанники, пар, руки, изъеденные содой, вот-вот придет муж голодный, злой, тоже измученный (двенадцать часов у колеса – «хоть умри, проклятое вертится, и гудит, гудит, гудит...»), жрать нечего, дитя, тоже голодное (молоко пропало у матери), надрывается в зыбке... А что впереди?.. Вот и говорят: «От сумы, да от тюрьмы...» Так разве она сама проложила эту дорожку к тюрьме? Кто из вас, присяжных, первый бросит в нее камень? – Не нашлось такого! Оправдали! И еще о ней. А ведь была молодая и не об этой дорожке мечталось. И уже другая «под насыпью, во рву некошленном лежит и смотрит, как живая, в цветном платке на косы брошенном, красивая и молодая...» И вот «любовью, грязью иль колесами она раздавлена».

Конкретное... У Горького, в «На дне», Барон (Качалов) вспоминает: «Кагеты, кагеты с гегбами...» А Настя ему в исступлении: «Не было! Не было етова!» Может и не было. А что было то? – Да то же самое – грязь, мордобой, и... «актер повесился». Все так, все так, но почему кричит?..

Эвальд и ответил бы: не выдержала душа «напряжения противоречия». Конкретное мышление все соткано из противоречий. Как легко бы было, если бы этого не было. Тут – добро, там – зло, тут ум, там глупость. Тут абстрактное и тут абстрактное. А где конкретное? Оно – *там*, вне головы, в этой самой жизни. И что же делать бедной голове? Как из абстрактного слепить конкретное?

А вот нынешний «знаток экономики». Долго и туманно говорит нам про всякие «ценные бумаги», рисует кривые, которые то вверх, то вниз, про «инвестиции» и «капитализации». Проговорившись о «кризисе доверия», пускает слезу сочувствия бедным банкирам. «Дилеры-киллеры» его поймут. Мы – нет. И только под конец вспомнит и скажет о «реальной экономике». Ну а та, о которой он «трактовал» – какая? Не *фиктивная* ли? Бубенчики, побрякушки, яички от Фаберже – Симулякр, стеклянное царство! Так конкретно он мыслит или абстрактно? Эх, вам бы да наши проблемы, господа хорошие! Ну а если по уму, то бишь – «по философии», то в чем проблема?

А она в том, что мышление (даже если оно «мышление» хищника) всегда абстрактно. С этим никто не будет спорить. А истина всегда конкретна. Тоже вряд ли станут спорить. Так как же *абстрактное по своей природе мышление может постичь*

конкретную по своей природе истину?

Здесь Родос, здесь и прыгай!

Один ответ заготовлен очень давно. «Философ» вытащит козырного туза из рукава: «А объективной истины вовсе и нету!» - Нет истины – нет и проблемы. У каждого своя: налетай и любую выбирай – по вкусу. Вон их сколько на прилавках! На всех хватит! Мало, так еще добавим. Если истину приватизировать и объявить приватизированное священным и неприкосновенным, то убьем сразу двух зайцев: один заяц – *монизм*, а другой – *ригоризм*. Вместе с монизмом убьем и разум, а вместе с «ригоризмом» - «репрессивность истины». И получим сразу два хороших результата – «плюрализм» и «толерантность». Тут же решается и наша проблема абстрактного и конкретного: мышление всегда абстрактно, это вам охотно покажут и докажут, хоть с помощью логики, хоть с помощью пальцев. Обо всем мы судим со своей «кочки зрения», стало быть абстрактно. А вот если это абстрактное привязать не к тому, что вне меня, а к себе самому, неповторимому, любимому и уважаемому, т.е. очень, очень конкретному, то абстрактное тут же станет конкретным. Но какова цена?

Спору нет, плюрализм мнений - это хорошо. Но только если мнений *много*, а истина *одна*. Тогда можно и поспорить и посоревноваться, чье мнение вернее, т.е. ближе к ней, к истине. А если ее нет, то и спорить не о чем: своя рубашка ближе к телу. Каждому свое. Надо только достичь «консенсуса», согласиться, что «моя твоя не понимай». Надо только договориться не рвать друг на друге волосы. Будем взаимно вежливы! Будем...*толерантны!* Каждый в своем комфортном «нумере» добывает свой «философский камень», рассчитывая его выгодно продать. Рынок ведь, найдется покупатель, найдется и Сенька, которому впору эта шапка. Тут же и «герменевтика»: я тебя *понимаю*. Я тоже добываю камень, но другой, и тоже рассчитываю продать – «имею право». На то и «гражданское общество». И все мы хорошо «понимаем»: что поделаешь, такова эта «се ля ви». Но эту объективную общую истину мы спрячем подальше, чтобы и самим о ней забыть. Да и то сказать: есть, ведь, такие болячки, что и другому не покажешь, и сам не помотришь.

Сегодня постмодернисты говорят о «тирании разума», о «репрессивности истины», о «диктатуре разума». Ну а *диктатура антиразума* лучше? Надо же додуматься до такого: истина репрессивна! А заблуждение, антиистина – нет?

Посмотрите, люди добрые, как нетерпимы, агрессивны пророки антиистины. Да они уже готовы эту истину распятать, как Ницше распял и Сократа и Христа. И не задумываются, ведь, о самой простой вещи: так если истины нет, то вот это самое утверждение *и есть* истина, которую они только и признают и непогрешимость которой только и доказывают. «Истины нет – вот истина! На колени перед ней!»

Так как же быть с мышлением, которое по природе своей абстрактно, и с истиной, которая по природе своей конкретна? Нет, «в лоб» не получится. Нужен особый, «хитрый» ход. Ильенков именно это и объясняет.

Сознательно-диалектический метод есть такой способ движения мысли, естественный для нее, например, дедукция, при котором это движение совпадает с развитием от простого к сложному. Абстрактное тут оказывается не только выражением специфики мышления, но и специфики самого объекта. Абстрактному в мысли соответствует конкретное состояние развивающегося объекта – его неразвитое состояние, «элементарная клетка», «реальная абстракция», «практически истинная абстракция». Сознательно-диалектическая методология поэтому есть «хитрость» диалектического разума, находящего такой подход к объекту, такой его «ракурс», при котором сам объект работает на нас, сам разворачивает свои определения, вследствие чего специфика мышления с его абстрактностью совпадает со «специфической логикой специфического предмета» (Энгельс). Но это вовсе не «просто созерцание». «Хитрость разума» есть трудная работа. Понятие не содержится в созерцании, как и паровоз в той руде, из которой выплавляли металл. Это – *переработка* созерцания в понятия, но по законам самого объекта. При сотворении паровоза не только не нарушается ни один из законов природы, но само это сотворение совершается именно по этим законам. Тожество логики мышления с диалектикой предмета здесь не абстрактно-философская истина, но задача применения метода, адекватного логике предмета, т.е. проблема разработки такой методологии, при которой «порядок и связь идей» оказываются теми же, что и «порядок и связь вещей». Никакого «выведения» конкретных истин биологии, генетики, кибернетики из плоских универсальных «истин» «диамата» (вроде тех, что «все в мире движется», «все развивается», «все взаимосвязано» и все взаимоперепутано) тут не потребуется.

Найдите такое абстрактное, такую «часть», которая содержала бы в «свернутом» виде целое, такое абстрактное, которое было бы одновременно и вполне конкретным, эмпирически данным, «созерцаемым», реальным. Согласитесь, что абстрактное – это нечто неразвитое, недоразвитое, вследствие этого – бедное содержанием, а конкретное – развитое, богатое «определениями», единство многообразного. Вглядитесь внимательно в эту клеточку, найдите в ней «нерв» - противоречие, проследите, как это противоречие развивалось, разрешалось, и не в вашей собственной голове, а в реальности, в истории. И вы увидите, как желудь становится дубом с роскошной кроной, как яичко становится личинкой, личинка – куколкой, как по весне из куколки вылетает бабочка и как эта бабочка уже откладывает яйца. Если речь о капитале – то это яйца золотые.

Тут «принцип голографии»: разбейте фотопластинку на осколки, осветите один из них лазерным лучом – увидите не часть, а целое изображение. Если повезет найти такую «клеточку», поймете и целое. Повезло же владельцу денег найти на рынке такой уникальный товар, который, имея стоимость, способен производить новую, прибавочную стоимость. То, что он сделает сверх собственной стоимости – его. Если угодно – Ваше. Вы купили этот особый товар, рабочую силу, способность трудиться,

по стоимости, продали, произведенное им, тоже по стоимости, и все-таки получили «навар». Он ваш. Законно ваш, ибо таковы законы товарного производства: обмен эквивалентов, равное на равное. Вы покупали ведь, у него, рабочего, не труд, а *способность* трудиться? Покупали. И по «твердой цене». Почему нынче способность трудиться? А почему нынче хлеб, кров, образование свое и детей, поликлиника, больница, «ритуальные услуги», наконец? Я тебе все оплатил. «Все включено». Я все оплатил, ты все купил, на свои кровные – потребляй, восстанавливайся. А что ты купил? – Хлеб, кров... Это твое? Ну и то, что я купил у тебя – тоже мое. То, что ты получил от твоего потребления – твое. И то, что я получил от употребления тебя, мое. Ты покупаешь товар, и я покупаю товар. Вся штука в особой природе этого товара. Он способен производить больше, чем сам стоит. Вот эта твоя способность сегодня моя.

Азбука, конечно, арифметика. Так в этой арифметике-то и все дело.

Сколько стоит «способность трудиться», т.е. «рабочая сила»? А это смотря где. В Англии-Германии – одна стоимость, в Латинской Америке – другая, в Азии – третья. Купи ее там, где дешевле, продай произведенное там, где дороже. Хочешь красиво жить – умей вертеться. Ну а цена рабочей силы? Есть профсоюз – продашь дороже, нет – дешевле.

Беда в том, что это все – не про нас. «Там» – капитализм, а у нас – только рынок, т.е. «не обманешь – не продашь». Капитализм – это все-таки способ *производства*, а родимый «рынок» – способ потребления, паразитического, конечно. Много ли «произвели» этим новым способом? – Да нет, не много. Дожевывается и доворовывается старое, советское. Одно туполевское КБ производило вместе со своими заводами в год сотни самолетов. А сейчас и десятка не наберется. Летаем и гробимся на импортном хламье. Зато мы впереди планеты всей по числу миллиардеров на душу населения, золотых унитадов, бандитов, проституток, бомжей, эстрадных «звезд», всевозможных «дебил-шоу», алкоголиков, наркоманов, брошенных детей и роющих в мусорных кучах пенсионеров. Нет, видимо не скоро «дорогим россиянам» потребуется способность мыслить, не побегут они толпой в книжные магазины покупать «Капитал», «Диалектику абстрактного и конкретного» и на сериал «по Капиталу» их не затащишь. Так что хватит «про это». Вернемся лучше к «клеточке».

Трепплев в чеховской «Чайке»: «Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса – вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезды, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе... Это мучительно». Тема эта у Чехова, помнится, появляется и где-то в рассказах. Осколок пивной бутылки лунной ночью на плотине, и в нем, в этом осколке, замер и ждет своего Тригорина весь пейзаж.

Учили в университете: «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от не-

го к практике», т.е. от конкретного к абстрактному. А у Ильенкова все наоборот: от абстрактного к конкретному. Выходило вовсе не «по Ленину». В середине 50-х и произошел погром, записали Ильенкова в ревизионисты. А много ли конкретного в живом созерцании? Сколько я ни созерцаю свой зависший компьютер, как бы живо я не вертелся вокруг него, знание мое о нем и о том, что с ним стряслось, останется именно абстрактным, пустым, очень отвлеченным, беднее, чем у моей собачки, которая из солидарности со мной этот аппарат еще и обнюхает. А когда пришел спаситель-электронщик, то на мой аппарат он даже не посмотрел, потребовал «принципиальную схему». И только потом к аппарату. Вот это и есть от абстрактного к конкретному. Но от моего конкретного живого созерцания к практике никак не перейдешь, разве что кулаком стукнуть, а от его абстрактного весь переход занял несколько минут.

И все же «живое созерцание» - это серьезно. «Смотреть» и «видеть» - это «две большие разницы». Умница Дерсу Узала всердцах говорит «капитану»-Арсеньеву о его спутниках-солдатах, не увидевших след «амбы» - тигра: «Какой люди! Глаза есть, а смотри нету!» А вот у эвальдовых слепоглухих ребяток глаз нет, а «смотри» есть.

Среди тех смыслов термина «идея», которые дает Платон (всеобщее, неподвижное, определенное, сущность, умопостигаемое, истинное, объективное, образец, идеал), есть и такой: идея – это и *эйдос*, вид, образ, лик. Этот смысл убедительно выявил и выпукло «изобразил» А.Ф.Лосев еще в ранних своих работах, в частности, в «Логике музыки». «Эйдос», по Лосеву, это «скульптурное изваяние смысла». Предметно-зримое, пластически воплощенное, объективно данное явление, *явленность смысла*. Мышление есть и для Платона, и для Лосева, и для Ильенкова именно «умо-зрение», т.е. феномен, в котором одинаково важны обе составляющие – и ум и зрение. У Платона оба элемента налицо. Чтобы понять, надо видеть, чтобы видеть, надо понимать.

Что такое смысл и почему ему надлежит быть эйдосом? Одна и та же вещь, которую мы видим, может иметь разные смыслы и разные вещи – один смысл. Для одного пасхальное яичко Фаберже может иметь смысл эстетический, для другого – религиозный, для третьего меркантильный, для четвертого оно инструмент тщеславия, хвастовства и чванства. Найдется и такой, кто в простоте своей попытается его расколоть и кушать. Смысл – это «предназначение» вещи, ее функция. Это – схема деятельности в чувственно-воспринимаемой форме вещи и форма вещи, воспринятая как форма действия. Это именно *эйдос*, т.е. *предметно осмысленное действие или деятельно осмысленный предмет, образ действия, представленный в образе вещи*.

Стоит, пожалуй, пояснить это на простеньком примере. Спросите городского жителя, никогда не бравшего в руки ни топора, ни колуна, никогда не рубившего ветки и не коловшего чурбаки: «Чем отличается топор от колуна?» Что он ответит? А то, что

топор – это тот же колун, т.е. клин, с той лишь разницей, что топор будет потоньше и поострее, а колун потолще и тупее. Как вещи они мало отличаются друг от друга. А вот *смыслы* – разные, даже прямо противоположные. Попробуйте колуном рубить гибкие ветки – рискуете остаться без глаза. А попробуйте топором колоть вязовый чурбак – рискуете остаться без топора, увязнет в волокнах дерева. Горожанин видит вещь «саму по себе», ее собственную форму. А вот лесоруб видит в форме вещи схему действия разрубания или расщепления и схему самого объекта действия – структуру волокон дерева. Одно сквозь другое. Действию расщепления, разъединения волокон соответствует колун, действию рассечения, перерубания волокон – топор. Диаметрально противоположные смыслы. Схемы культуры и есть схемы вещей вне культуры, но уже освоенных культурой. Вовсе не всякая вещь может быть вовлечена в данную культуру, освоена в ней. Но только та и в той мере, в какой собственная ее природа, ее «схема» совместима со способом ее бытия в культуре, в деятельности и лишь в той мере, в какой ее собственные качества совместимы с функциональными схемами. Конкретность мышления и означает способность видеть явление в системе функциональных взаимосвязей.

Идеальное – это что?

Теория идеального (сегодня говорят сдержаннее – концепция) – главное творческое достижение Ильенкова.

С идеальным и идеальностью связано очень многое и прежде всего не в философии, а в повседневности. Можно даже сказать, что в человеческом бытии с ним и связано *все*. Не с понятием, конечно, а с явлением, о котором мы имеем представление. Представление – это не понятие, это – известное, а известное еще не есть познанное, понятое.

В чем существо проблемы идеального, парадоксально-противоречивая природа его?

Откроем *любой* учебник по философии, любой философский словарь, даже любой «словарь иностранных слов». Найдем вот такое: «**Идеальный** – относящийся к идеям, к деятельности мышления; духовный, психический в противоположность физическому, материальному».

В общем виде получается, что идеальное – это субъективное, субъективно-психологическое (один автор даже назвал идеальное «субъективной реальностью»). А что такое реальное? – Это все, что «не-Я», то, что вне меня. Идеальное оказывается синонимом психического вообще, вследствие чего это понятие просто излишне: «Бритва Оккама» обязывает отсекал лишние «сущности», когда достаточно одной. Но важнее другое.

Разумеется, без субъективного нет и идеального, но и с ним его тоже нет. «Антонов есть огонь, но нет того закону, чтобы огонь всегда принадлежал Антону». Всякое

определение есть отрицание, но не всякое отрицание есть определение. «Роза не верблюд» - много ли мы узнали о розе? Сказать, что идеальное – это нечто не материальное, не физическое – не сказать почти ничего: если не материальное, то какое? Дело в том, разъясняет Ильенков, что при таком понимании идеального в круг материальных, физических объектов записываются и камни, и деревья, и волки, и овцы, топоры и автомобили, гильотины и типографские станки, самолеты и атомные бомбы. И на том же самом основании сюда же чохом записываются и квадраты вместе с теоремой Пифагора, и гербы, иконы, банкноты, знамена, поэмы, законы государства, само государство, романы, тюрьмы и симфонии, суды и языки с их словарями и синтаксисами.

Беда однако не только в этом. На том же самом основании в кругу физических, материальных объектов оказываются и *субъекты*: и Пифагор вместе со своей теоремой, и верующий вместе с иконой, и суды вместе с присяжными, и тюрьмы вместе с «исполнителями», и «гаишники» вместе со светофорами, и радушные бумажки с «защитными» подписями и «Всевидящим оком» вместе с их собирателями...- все, что вне меня, единственного и неповторимого, ибо все это – «не-Я».

Известны только два способа вывернуться из этого затруднения. Первый состоит в том, что все перечисленные «вещи особого рода» (гербы, иконы и т.д.) предлагается толковать только как вещественные знаки, «низкое», которое мы видим вне себя, но мыслим при этом нечто совсем другое, «высокое», что мы имеем опять-таки в своей «душе», «в уме». Видим одно, а мыслим нечто прямо противоположное. К примеру: рублевская «Троица» - это «метафизика в красках». Но зачем метафизике краски, а краскам метафизика? Да с любой самой заурядной рыночной мазней можно соединить какую-нибудь мозгодробительную «метафизику» из трех пальцев. Приблизится ли она к рублевской «Троице»? И обязательно ли быть верующим, чтобы застыть, как громом пораженный, перед этим «объектом особого рода»?

Но, удивительное дело, *ровно то же самое* мы обнаруживаем и в объектах, с которыми связать что-либо «высокое» не удастся даже самому юркому и бесстыжему «уму». Это – форма стоимости. Почему «презренный металл» имеет такую силу? Почему на рынке бессмертный «образ» приравнивается к тысячам золотых монет, а эти монеты – к миллионам пластиночек «жвачки»? Что же это за субстанция такая, которая одинаково комфортно чувствует себя в любом «теле»? И почему она все же не может обойтись без тела? Было также и время, когда и бессмертными «душами» торговали как картошкой. Впрочем, есть люди, для которых это презренное и есть «высокое». Но почему это «высокое» - одно на всех? Эта связь идеального с материальным либо необходимая, т.е. объективная, либо случайная. Если необходимая, то вопрос повисает в воздухе, упирается в загадочную природу «объектов особого рода». А если случайная, то ничего умнее, чем второй способ вывернуться из затруднения, так и не придумали.

Этот *второй способ* – теория соглашения, «конвенции». Договорились видеть одно, а мыслить совсем другое – прямо противоположное. На этой «теории» неколлембимо стоит и вся современная антимарксовская политическая экономия, слишком *политическая*. Бандюганы договорились «держатъ цены» на рынке, биржевые спекулянты – держатъ цены на нефть, клиенты банков договорились доверять банкирам, верить им. И все же цены на рынке колеблются вокруг какой-то одной, объективной «средней линии» и время от времени эта объективная средняя линия отрезвляет участников конвенции и заставляет высунуть голову из фиктивной реальности в объективную. А можно ли договориться так, чтобы мешок картошки сравнялся по стоимости с мешком алмазов?

Конвенция – заместитель объективности, *фиктивная объективность*. Als ob, как если бы... В двадцатых годах прошлого века книжка немецкого философа Файхингера под этим названием побилла все рекорды – за два года была издана десять раз едва ли не на всех языках Западной Европы. С чего бы это? Откровенное признание, что человек живет в фиктивном мире. Как если бы общество равных возможностей, как если бы социализм... «Они делают вид, что платят, мы, что работаем». Воистину, привычка принимать фиктивное за реальное – «замена счастью». Получается, что все наше бытие и все наше мышление основывается на ...фигкиии. «Соглашение» это и состоит в том, чтобы приписывать физическим вещам то, что им никак нельзя приписывать. В этом состоит и товарный фетишизм.

Но дело-то даже и не в этом. Дело в том, что эта вот расхожая теория идеально-го, предполагающая «соглашение» видеть одно, а мыслить совсем другое, опровергает сама себя, наповал убивает саму идею соглашения. Чтобы соглашение имело место, следует признать объективное, т.е. вне меня, вне моей индивидуальной психики, существование других «Я», других индивидов с той же самой способностью. А это как раз для такой теории исключено. Участник конвенции, вне меня сущий, которого я вижу, тоже только физическое «тело». Бесспорно, что он – «вне меня», следовательно, он нечто материальное, физическое. С кем прикажете вступить в «соглашение»?

Из чего же может исходить решение проблемы идеального, идеальности? Ильенков пошел здесь путем классической философии, причем не материалистической, а идеалистической, и вспомнил первым делом Платона.

Платону принадлежит честь открытия *объектов особого рода* – *идеальных объектов*. И для расхожей философии, для «глупого материализма» (выражение Ленина), и для глупого идеализма (субъективного) словосочетание «идеальный объект» – чушь, нелепость, оксюморон: если объект, то он никак не может быть идеальным, а если он идеальный, то не может быть объектом.

Платон конечно исходил не из «фантазмов», а из очевидных фактов. Законы полиса – это что-то объективное или «фантом», каприз воображения? Государство –

нечто объективное? А то, что изучает геометр – объективное? Попробуйте убедить математика, что все его «объекты» существуют только в его «субъективном мире» и поселяются в нем только после того, как он отсепаарирует в своем «мышлении» абстрактное от чувственно данного «конкретного» на манер того, что мы делаем с куском говядины, отваривая ее в бульоне: чем больше воды, т.е. абстрактного, тем жиже бульон. Да ни один математик в здравом уме и трезвой памяти такое идиотское «понимание» даже обсуждать не будет. Он *не приходит* к своим точкам (не имеющим ни длины, ни ширины, ни толщины), прямым, плоскостям, топологическим структурам, а *исходит* из них как из реальности. Это *реальные* объекты, хоть и не физические, не материальные. Они и *идеальны и объективны*. Это – «принципиальные схемы» вещей, их всеобщие проекты, «матрицы».

Советские учебники и многочисленные «монографии» превратили Платона если и не в дурака или сумасшедшего, то в «мифолога». – Всеобщее как таковое, первичное по отношению к единичному и независимое от него, умозримые «сущности», обитающие в «умном месте»!.. А невдомек, что Дарвин-то мыслил именно о таких первичных всеобщих сущностях, видах. Единичные лошади смертны, а «лошадность» нет. Единичные умирают, новые рождаются, но по той же «схеме лошадности». Реальность вида не сводится к реальности индивида. Индивид живет несколько лет, вид – сотни тысяч и даже миллионы (скорпион).

Разумеется, платоновое учение об идеях не чуждо известной мифологичности. Ну а «пустое пространство» Ньютона, инертное тело – не миф? А голодная собачка, опутанная ремнями и заключенная в «башню молчания» и темноту – не миф? Так это же вовсе не собака, а препарат, не более живой, чем отрезанная лапка лягушки, раздражаемая током. «Строгая наука» полна таких мифов. Не напрасно Шопенгауэр усмехался, говоря, что математика наука точная, потому что она «тощая».

Платон не решил проблему идеального. Но он ее *верно поставил*: идеальное реально, объективно и оно несводимо, не редуцируемо к материальному, физическому и не доступно созерцанию, отсеченному от разума. Так где же их искать, эти «объекты особого рода»? В физическом мире, вне головы их нет, но и в голове – тоже.

Свою идею идеального Ильенков формулирует ясно и определенно и именно как *материалист*.

Так что же это за явление – идеальное? Ильенков ответил так: это одна вещь в другой, большая в малой, «все» в «одном», вселенная в капле воды, бесконечное в конечном. Метафора? – Разумеется. Так и человек есть метафора – «наше» в «моём».

Как возможно вот это: одно в другом?

Ответ Ильенкова прост и убедителен.

Одна материальная вещь *представлена* в другой материальной вещи, репрезен-

тирована в ней. «Пересаживается» в человеческую голову не вся вещь, а лишь *форма* ее. Идеальное – это и есть форма одной вещи, ставшая формой другой. Это возможно только в одном единственном случае, когда вторая вещь активна, деятельна. «Форма» – это и есть форма деятельности, ее схема. В формах деятельности, в схемах ее *представлены* формы других вещей, потенциально – всех вещей во Вселенной, «мерки» всех вещей. Идеальное – это и есть бытие *в человеке*, в его активной творческой деятельности, *не в теле, а именно в деятельности*.

Есть одно решающее условие: «мыслящая вещь» должна быть **пластична**, должна быть способна менять свои состояния в самом широком диапазоне, в пределе – бесконечно. Она должна быть лишена специфики, или, точнее, пластичность, универсальность и есть ее специфика. Такая «вещь» и есть человек.

Кувшин рождается в действиях гончара, в движении его чутких, гибких, умных пальцев, его рук, всего его тела, его глаз и его воображения. Можно даже сказать, что эти действия «кувшиноподобны». А если это покажется грубым, скажем о гениальном скульпторе и художнике. Ренессансный человек богоподобен. Более того, если он художник масштаба Леонардо, Микельанджело или Рафаэля, то мог бы сказать Богу: твои творения прекрасны, но посмотри на мои – они ещё прекраснее. Взгляни на Мадонну, нежно прижимающую к себе самое дорогое – свое дитя. И тем же жестом, тем же (!) протягивающую ее людям – на казнь, на муки, на растерзание, на позорную смерть! Покажи мне в серии созданных тобой и тиражированных тварей хоть одну такую!

Кувшин, пока он еще не родился, уже *есть*, имеет бытие в форме движений руки, глаз, нервов гончара. В этой предметной деятельности он уже есть, но есть в фазе движения. А изготовленный кувшин – та же самая деятельность, но уже в фазе покоя – овеществленная, опредмеченная, во-площённая в теле другой вещи, материализованная, *представленная в чувственном облике* этой другой вещи. И это форма не моей деятельности, а нашей.

Это значит, что *функциональное бытие вещи* поглотило ее натуральное бытие. Кувшин – не глина, «Давид» Микельанджело – не просто мрамор, а сам он не каменист. Функциональное бытие золотой монеты в качестве меры стоимости и средства обмена поглотило ее натуральное, металлическое бытие как химического элемента. Золото-деньги это не аурум. Это нечто другое. То же самое и с банкнотой, бумажной купюрой – это не бумажка, хоть и пестро раскрашенная. Функциональное бытие поглотило натуральное. Потому-то изобретенные древними китайцами бумажные деньги так легко спустя восемь столетий начали победное шествие по всему миру. Ведь функциональное бытие золота в монете уже поглотило его натуральное бытие. Ну а в современном мире и бумажка уже не нужна. Осталась одна функция.

Ильенков настаивал на буквальном отождествлении идеального с «*представлением*», спектаклем. Актер на сцене представляет, предлагает зрителю не самого

себя, а другого, например, сходящего с ума царя Бориса. Форма его движений, его мимики, его жестов, его речи – форма не актера, а именно Бориса. Он может быть настолько убедителен, что зритель забудет про актера. Его «функциональное бытие» на сцене поглотит натуральное, поглотит даже без остатка. Амфитеатров, видевший Шаляпина в Париже в роли царя Бориса, свидетельствовал по свежим впечатлениям: когда гениальный артист произнес свое знаменитое «там, там, в углу!», партер встал и в ужасе оглянулся: что же это там? Но ведь Шаляпин не сошел с ума, не стал Борисом – остался самим собой, сумел соблюсти брехтовский «пафос дистанции». Но это уже за кулисами, *выйдя* из роли, «из тела» Бориса. Вот почему «над вымыслом слезами обольюсь». Не «вымысел» это. Гиляровский свидетельствовал, что качаловский Барон реальнее того, которого он и Качалов видели на Хитровке, *объективнее*.

Точно так же функциональное бытие нейронов, аксонов, дендритов поглощает в деятельности живого, мыслящего тела их натуральное, физиологическое бытие. Потому-то трезвый нейрофизиолог и не ищет в нервной ткани идеальное. Да там его и нет. И точно так же лингвист-фонолог не ищет фонему в звуке. Для него она – функциональное средство смысловых различия. И точно так же невысказанный фиолетовый «кок» на полубритой голове имеет функциональный, социальный, а не парикмахерский смысл. Это – выкрик: «Я не такой, как все, не спутайте меня с другими!». (То же самое беззвучно кричит и индюк. Но есть и существенная разница. В природе этот крик – свидетельство жизненной силы: смотрите, индюшки, какой я мужик! Но в человеческом стаде этот выкрик означает нечто другое).

Выше уже было сказано о метафоре. Какой художник не хотел бы в «единое слово», в единый образ вместить и свою грусть, и свою радость, и самоощущение жизни и молодости? Это и «розовый конь» Есенина, где в одном образе нерасторжимо срослись и весенняя утренняя заря, и легкий морозец, и гулкое пространство, и молодость, и грусть. И это все – в одном. Каким же идиотом будет тот, кто скажет, что розовых (или Красных – у Петрова-Водкина) коней не бывает. «Розовый конь» – уму нерастязжимо! Или вместить свой ужас и гнев – это «Герника». «Все», озаренное гением, – это как вспышка молнии.

Словом, если расхожее толкование идеального «танцует от печки», от субъективного, от индивидуального «Я», то, как понимать само это «Я»? Оно-то идеально или материально?

Известно, что детские вопросы – самые трудные. И не раз уже ставили мудрецов в тупик. «Тело мое, руки мои, голова моя, мозг мой. А где же я сама?» – спрашивала Ильенкова слепоглохая девочка.

Ясно, что это «Я», противостоящее реальности, идеально. Оно – «нигде» и вместе с тем «везде»: небо – это то, что я вижу, гром – то, что я слышу... Можно ли «отмыслить» «Я» от «не-Я»? Если бы можно было, то смерть не страшила бы нас. Ибо

«Я» - это то, что во мне – небо, звезды, другие «Я»... - весь мир, все пространство и все времена.

Выдающийся гуманист XV века Пико делла Мирандола вложил в уста самого Творца следующую речь: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю».²

Творец выпустил человека в мир голеньким, не имеющим ни образа, ни «удела», ни места, ни обязанностей. Не имеющим даже меха для защиты от холода и не умеющим даже ходить. Жестоко поступил Творец, а ведь создал Адама по своему образу и подобию. Но если Творец – мастер, «демиург», умеющий *все*, то Адам, отданный во власть самому себе, не умеет равным счетом *ничего*. Адам – «бесконечное отрицание» того же типа, что и «роза не верблюд». Существование есть, а сущности нет. Не верблюд, не волк, не овца... А что? Да *ничто*, нуль, пустота, чистая возможность. И только? – Нет, не только. Творец предоставил тем самым Адаму *свободу*. А как ею воспользоваться, чем пустоту заполнить – это должен решить сам Адам, трудясь в поте лица своего, не только *познавая* мудрость творца, воплощенную в его творениях, но и *присваивая* эту мудрость, делая ее своей, прибегая к «хитрости разума», т.е. превращая мудрость вещей, которыми они наделены в «пределах установленных законов», в средства своей жизнедеятельности.

Из этого исходил Маркс, из этого исходил и Ильенков. Даже звездное небо, - писал он, - человек «присваивает», делает частью своего, «очеловеченного мира». Для него оно - естественный хронометр и навигационный инструмент. Человеческое замещается природным. Ничего не умеющее человеческое тело вооружается за счет природы, создает вокруг себя второе, «неорганическое тело», дополняющее его слабые органы. История человека и есть история этого освоения-присвоения природы. Тот, кто был «ничем» становится, шаг за шагом, «всем». Вот это «неорганическое тело» человека есть не индивидуальное, а его *общественное* тело, общее, «наше».

Но одновременно Творец поставил это «ничто», только что сотворенного Адама, и перед тем, что можно обозначить как «искушение свободой».

Первое условие свободы – неопределенность, безликость, недетерминированность, не «*пред-*определенность». Это – свобода «от». И она – *дар*. Одни считают, что это дар Бога, другие – природы, сотворившей такое существо. Но суть условия именно в этом.

² История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М., 1962, т. 1, с. 507.

Второе условие – задачка для Адама, которую должен решить уже он сам: *для чего* эта свобода? *Чем* наполнить собственную пустоту? И *как* ее наполнить? А вот это он поймет, когда начнет трудиться в «поте лица своего». Здесь его «норов», его «хочу» наткнется на «норов» вещей, на жесткую логику реальности, здесь он должен затормозить свое вожелание, свое «хочу», соотнести «хочу» с «могу», логику своего «Я» с «логикой вещей», проникнуться этой логикой и только за счет этого стать выше «вещного мира», стать его *господином*. Этот сюжет замечательно развернут Гегелем в его «Феноменологии духа»: не через «господское», а через *рабское*, работающее сознание пролегал путь к храму разума и культуры. Содержанием «Я» становится «не-Я», чужое – «моим», а «мое» – «нашим». Ведь среди «вещей» есть и такая, как другой человек, другое «Я». Прими его в себя, сделай «наше» «своим», и станешь не только мыслящим, но и нравственным существом: «Пожелай ближнему своему то, что ты пожелал бы для себя самого». Вот это и есть «категорический императив» Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать основой *всеобщего* законодательства».

Что но говорили бы нам сегодня о «свободе личности» и о «правах человека», понимаемого именно как индивид, как отдельное, изолированное «Я», сутью морали было и останется именно «наше», ставшее «моим». Нет такой моральной системы, в фундаменте которой лежало бы первенство «моего», а не «нашего», если эта мораль не людоедская, конечно.

Ильенков неуклонно исходит из того, что человек – не только «дух», «душа», «Я», психика, самосознание. Он – «крайняя степень вещества», как замечательно сказал Державин. И если мы хотим понять это «Я», то должны соотносить не дух и тело, а два состоянья «вещества» – конечное и бесконечное. Тогда человек – это солнце, *представленное* «в малой капле воды». Больше ничего у нас нет в руках: в одной «все», в другой – «ничто».

Ильенковская концепция идеального – это второе (после Платона) «открытие» объектов «особого рода», включившее не только признание их особого статуса, но и точное указание на ту особую объективную реальность, внутри которой только и существует идеальное во всех его модусах. Это реальность культуры, понятой широко, как сфера общественно-человеческой деятельности, существующая не в голове, но и не без помощи головы. Именно в эту коллективную работу вовлечена человеческая психика, сознание, разум, воображение, память, в ней эти способности и формируются. Здесь коллективный опыт поколений опредмечивается, объективируется, становится вследствие этого общедоступным, а правила его, схемы и законы – общезначимыми. Эти схемы, правила, нормы, запреты и предписания не выводимы из индивидуального опыта и вместе с тем обязательны к исполнению индивидом. С ними индивид обязан считаться даже больше, чем с собственным опытом. Можно сказать и так: чем меньшую роль в жизнедеятельности человека играют «закодиро-

ванные структуры», фиксированный порядок, тем свободнее он и тем более адекватно может постигать порядок вещей.

Если культура – ключ к пониманию мышления, «менталитета человека», то ключом к самой культуре является *бытие* общественного человека, его реальная жизнедеятельность в общении с другими людьми и во взаимодействии с природой.

* * *

Философия Ильенкова – это *материализм*. Но не тот, что «вещество» и ниже пояса, а тот, что «крайняя степень вещества». Та степень, где материальное превращается в идеальное, где тело, просто тело становится «мыслящим телом», способным резонировать на частоте природного и общественного бытия.

В Третьяковке висела (возможно и сейчас висит) любопытная жанровая картинка Владимира Маковского: «Беседа. Материалист практик и идеалист теоретик». За столом с бутылками и самоваром двое. Один худой и увлеченный ведет наступательную беседу. Другой – толстенький, розовощекий задумчиво слушает и ответственно кушает, как тот самый Васька-кот. Первый, несомненно, - материалист-практик, в чем душа держится; второй – несомненно идеалист-теоретик, отрицающий «принцип вещества» в теории и следующий этому принципу на практике. Первый и есть Ильенков.

Судьба Эвальда Ильенкова трагична, как трагична и наша общая история.

Вечером, накануне эвальдова последнего дня я звонил ему, хотел порадовать: пришла верстка его статьи (я готовил ее в "Коммунисте"), "чистые листы": "Эвальд Васильевич, я приеду сейчас (дело было часов в 11 вечера), покажу". Отказался, не пригласил. "Ну, давайте к нам, я мигом прикачу". Еще решительнее: "Нет". Что-то еще отвечал на мои домогательства, но суть эта. Такого еще не бывало. И голос какой-то шелестящий, угасший: ему уже не интересен ни я, ни "чистые листы". Мне бы встревожиться, поехать, попробовать растормошить. Не догадался! А утром звоню, отвечает Леночка, дочка: «Лев Константинович, а папа умер»...

Думаю, что решение ему пришло не сразу. Не остановили бы, только добавили бы боли в его истерзанную душу. Предчувствовал, наверное, что в этом наступаемом мире становится не нужен. "Позитивисты" розовенькие, чмокающие, поросыче-умненькие уже надвигались. Тогда ведь тоже был "бизнес", только делали его по-другому и на другом. Тогда - на Марксе, потом – на «Антимарксе». Зачем им этот тощий и больной Дон Кихот?

С содроганием вспоминаю этот сапожный (для него переплетный) нож - заточку, сделанный из обломка пилы. Показывал когда-то – бритва. (Утром же врач, осмотрев покойного, спросил у родных: «Он что – знал анатомию? – Да знал, знал конечно! Он же Эвальд!). Кто-нибудь решился бы лепетать ему о смысле жизни? Я и говорю: такие вопросы задают «на краю, на краю». Это говорливый Сократ до конца своего

"эпатировал" публику, а в принципе-то он, как и Эвальд, толковал все о том же - о разуме. Никогда это не устареет. Наскучит скотство, вспомнят и Сократа, и Эвальда. Да и есть ли на земле или на небе что-либо более достойное размышлений? Нам-то ведь только кажется, что волна современности все несет и несет нас вперед: вот что-то ушло, кануло, устарело. Вспомнишь - улыбнешься, немного смешно, немного и грустно: родительский дом, потолки низкие, вещи, вышедшие из моды... Вот и Эвальд Ильенков, последний из могикан, последняя вешка на пути классической философии.

Но не надо спешить. Подумаем: волна-то бежит, конечно (то ли к новым берегам, то ли в никуда), но каждая ее частичка, а это мы с вами, остается на месте, только колеблется вверх - вниз, вверх - вниз, "я поднимаюсь, я опускаюсь (в "волнах бытия"). И своим существованием и бегом волна-то как раз и обязана этим колебаниям. А колеблются частички вокруг одной средней точки: вверх- вниз, вверх- вниз. Вот о ней, об этой средней точке, Гете и Сократ, Спиноза и Гегель, Толстой и ... Эвальд.

Где мы сейчас,верху или внизу? Думается, внизу. И чем беднее и ничтожнее будет наша жизнь, чем глубже будем увязать в дерьме нынешних "дебилашу" (от юмористических до политических), чем ниже будет наше падение, тем необходимее станут эти вышедшие из моды старики.

Все, что травило Эвальда, что довело, дотащило его до трагического конца, завалилось уже тогда, в его время. Внутри яичка уже тогда сформировалась кровососущая гадина.

В письме к Ю.А. Жданову (от 18.01.1968 г.) в Ростов-на-Дону Эвальд писал: «Опять вернулся к письму – отложил его, так как думал, что Вы в Москве. Жаль, что не удалось поговорить. Вы помогли бы мне выбраться из дурного настроения. Никак оно не проходит, а в итоге даже письмо написать – и то превращается в проблему. Уж очень хочется этим молодцовым вернуть все назад. А их, увы, много. Вот и думается – еще двести лет будет тянуться эта ерунда, если раньше бедой не кончится. И валится все из рук, хочется махнуть рукой на всю эту философию несчастную и беспомощную и заняться чем-нибудь другим... Такие-то вот настроения совсем меня одолели. И трудно решить – насколько они оправданы. Но впечатление все же такое, интегрально-интуитивное – что наступает полоса тухлого безвременья, когда все те, кто мог что-то делать интересное – забираются в свои норы, а на свет опять выползает всякая нечисть, ничего не забывшая и ничему не научившаяся, только сделавшая еще злее и сволочнее, поскольку проголодалась. И никак не удастся взглянуть на все это дело «философски», то бишь «суб specie этернитатис». Даже не знаю – посылать Вам эти lamentации или лучше порвать и переждать с письмом, пока не

посветлеет на душе».³ - Не посветлело. Да, была еще у Эвальда отчаянная надежда, что этот кособокий социализм выпрямится. Он на эти темы высказывался неохотно, специально этим не занимался. Помню краткий ответ на мой вопрос, когда мы говорили о нашей, тогда уже полууголовной экономике. "А какой выход?" Коротко ответил: "Нэп".

Сумрачное состояние его духа в последние годы, как мне кажется, объяснялось не в последнюю очередь тем, что надежда эта совсем уже истощилась. Конституция Эвальда была такова, что состояние его тела было напрямую связано с состоянием нашего общего, общественного, "неорганического" тела. Действительно - "медицинский факт".

Хотелось бы закончить на какой-нибудь оптимистической ноте. Но время для оптимизма еще не пришло. "Нечистый разум" еще не закончил свою работу. Он и не закончит, пока продолжается сон разума чистого.

Словом, судьба наследия Э. Ильенкова - это наша судьба. Кому-то без Сократа, Спинозы, Маркса, Эвальда хорошо. Кому-то плохо. Если остановимся на этом "плюрализме", то думать вместе с Ильенковым останется занятием кучки чудаков. «Каждому свое?» Только вот философия-то эта была начертана на воротах Бухенвальда! Поживем – увидим.

³ См Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону, 2004, с. 389-390.
